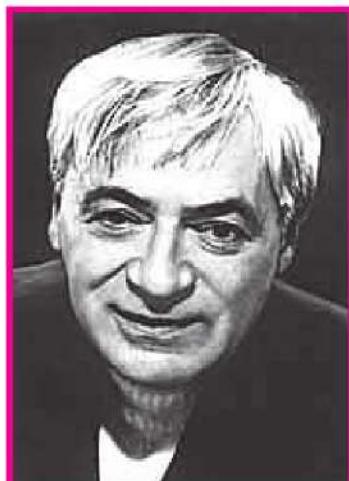

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

УТЁСОВ НА ЕВРОПЕЙСКИХ АУКЦИОНАХ

стр.14-15

«Я ЗНАЛ И СЛАВУ,
И ОБЛАВУ...» стр.8-10

Б

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

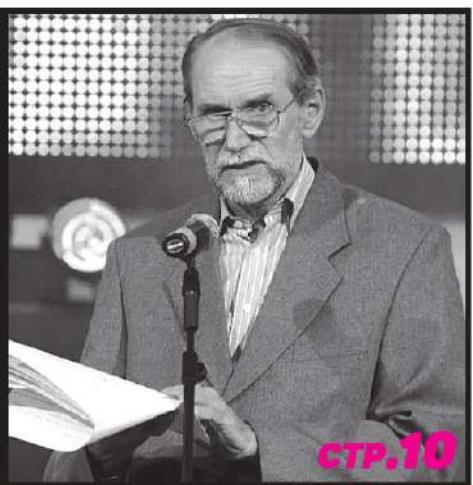

НОВОЕ ИМЯ» 2021

стр.11

АДЕ,
ЛЮСЯ?

стр.10

ДЕД МОРОЗ.
НАСТОЯЩАЯ
ИСТОРИЯ

стр.6-7

№46 (75)
НОЯБРЬ 2021

«Я ЗНАЛ И СЛАВУ, И ОБЛАВУ...»

Александр Хазин. 1942 год

В августе 1946 года вышло Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Месяц спустя в газете «Правда» под заголовком «Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» была опубликована «сокращенная и обобщенная стендограмма» докладов члена Политбюро ЦК ВКП (б) Андрея Жданова «на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде».

В Постановлении ЦК ВКП (б) отмечалось, что «издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно... особенно плохо ведется журнал «Ленинград», который постоянно предоставлял своим страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зощенко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой».

Жданов, главный тут пору партийный «смотрящий» за идеологией, также обвинил руководство «Ленинграда» в том, что оно давала возможность публиковать свои произведения «таким пошлякам, как Зощенко, и таким салонным поэтессам, как Ахматова».

Печально знамениты эти документы: исковеркали жизнь Ахматовой и фактически привели к гибели Защенко. Страх был такой, что даже старые друзья-товарищи старательно избегали встреч с «опальных» коллегами. Совсем немногие рисковали поддерживать отношения с ними. Среди этих немногих был Леонид Утёсов.

Антонина Сергеевна Ревельс вспоминала, как утёсовский оркестр выступал в Ленинграде как раз в то время, когда появились упомянутые документы. Но это не помешало Утёсову пригласить Зощенко к себе. А когда потрясенный

История одной дружбы в письмах, воспоминаниях, документах, монологах и отзывах

*Коллектив Лидии Атманаки (в центре), 1950-е.
Аркадий Астахов во втором ряду справа*

вниманием писатель, которому же поч-

вниманием писатель, которому же почти никто не звонил, спросил своего давнего товарища, как это он не побоялся, Леонид Осипович ответил просто и твердо: «Я всегда был твоим другом, и буду!»

Об упомянутых выше документах, вышедших 75 лет назад, нынче вспоминают исключительно в связи с Зощенко и Ахматовой. Между тем, катком прошлась партийная критика и по судьбе еще одного автора.

Для справки: «Казин Александр Абрамович (29 апреля / 12 мая 1912, Бердичев – 20 ноября 1976, Ленинград) – эстрадный драматург, поэт, прозаик. В 1931–1940 работал на Харьковском электромеханическом заводе, учился на вечернем отделении Электротехнического института (окончил в 1939). Писал стихи и печатался с 1931. В 1934 принят в Союз писателей. В 1941–1945 корреспондент фронтовой газеты. С 1946 жил в Ленинграде. В сатирической поэме «Возвращение Онегина» (фрагменты были опубликованы в журнале «Ленинград» в разделе «Литературные пародии» № 10 за 1946) запечатлен послевоенный ленинградский быт. Исполнялась по радио А. Райкиным, предполагавшим сделать на ее основе целый спектакль. Упоминание «некого Хазина» и его «глорочного пасквilia» в партийном постановлении 1946 «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» и докладе А. Жданова

сам писатель позднее уподобил асфальтовому катку, который расплющил его жизнь. В течение нескольких лет писал для эстрады под псевдонимом А. Балашов. К концу 1950-х гг. возобновилось сотрудничество с Райкиным и его театром. (В 1958–1967 зав. лит-частью Ленинградского театра миниатюр.) Монологи, сценки, интермедиции Хазина вошли в спектакли «Человек-невидимка» (1955), «Времена года» (1956), «Белье ночи» (1957) и др. Автор спектакля «Волшебники живут рядом» (1964), одной из лучших работ театра. Он состоял из небольших пьес и сценок, построенных на условном приеме диффузии — персонажи меняются местами. Пантиюков в пьесе «Юбилей», олицетворявший невежественного бюрократа, порождение эпохи культа личности, стал яркой фигурой в сатирической литературе 1960-х гг.

Хазин писал для многих артистов: прозаические и поэтические монологи для Г. Орлова, М. Мироновой и А. Менакера, Ю. Тимошенко и Е. Березина и др. В лучших вещах Хазина сатира со-существует с драматизмом, лирикой, его репризы ироничны, язвительны («партия учит нас, что газы при нагревании расширяются»; «не поймите меня привильно»), помогают раскрыть характер персонажа. Обладал тонким юмором, никогда не гнаться за количеством «смехов». Как только позволили обстоятельства, организовал (вместе с И. Метте-

ром) при Ленинградском Доме писателя театрализованный альманах «Давайте не будем», каждый выпуск которого становился событием в городе. В 1970-е гг. Хазин работал над сатирическим романом «И. О.», поэмой «Акулина», повестями и рассказами, опубликованными после его смерти».

Из статьи Е. Д. Уваровой в сборнике «Эстрада России. XX век. Лексикон».

С Хазиным сотрудничали многие артисты, но чаще всего бандероли с текстами новых монологов и программ направлялись в Одессу, старому другу писателя артисту Аркадию Астахову.

С Аркадием Савельевичем Астаховым я познакомился в начале 1980-х. Для меня старый артист был одним из «последних могикан» предвоенной и послевоенной эпохи. Он многих знал, со многими дружил или работал. Особенно часто в его рассказах звучало имя Утёсова, с которым Астахов был дружен на протяжении несколых десятилетий. Как-то в нашей беседе мелькнуло имя Александра Хазина. Увидев мой интерес, Аркадий Савельевич тут же достал пачку писем, адресованных ему писателем. А в следующую нашу встречу рассказал историю их дружбы, показал монологи, написанные для него драматургом. Потом, уже после смерти артиста, его супруга Г. Астахова дала мне возможность скопировать некоторые письма и тексты Хазина. Эти документы плюс записанные мною рассказы Аркадия Савельевича легли в основу этого материала, который, как мне кажется, будет интересен не только историкам культуры. «Дьявол кроется в деталях» — писал кто-то из классиков. Детали, которые во множестве рассыпаны в этих письмах и текстах, многое позволяют понять в прошедшей Эпохе.

Из воспоминаний А. Астахова:

«Познакомились мы в 1943 году. Наша концертная бригада, которую возглав-

ляла популярнейшая в те годы артистка Лидия Атманаки, только что вернулась с фронта, из дивизии имени Панфилова, и работала в Алма-Атинской филармонии. С фронта приехал в Алма-Ату и Саша Хазин, молодой, жизнерадостный, обаятельный и очень красивый. Фронтовой корреспондент, награжденный орденом Красной Звезды, он, как и мы, был полон военных впечатлений и охотно делится ими.

Кажется, на этом мы и сошлись. Я с удовольствием читал фронтовые фельетоны Хазина (в армейской газете «Знамя Родины» он выступал под именем бойца Трофима Бомбы), мы даже строили планы совместной работы, но по каким-то причинам дело до нее не дошло... Сотрудничество наше началось в 1946 году, при обстоятельствах, для Хазина драматических...

Из Постановления Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г.:

«...редакция журнала «Ленинград» допустила крупные ошибки, опубликовав ряд... ошибочных произведений («Случай над Берлином» Варшавского и Реста, «На заставе» Слонимского). В стихах Хазина «Возвращение Онегина» под видом литературной пародии дана клевета на современный Ленинград».

Из доклада А. А. Жданова:

«Вот, например, пародия на Евгения Онегина, написанная неким Хазиным. Называется эта вещь «Возвращение Онегина». Говорят, что она нередко исполняется на подмостках ленинградской эстрады. Непонятно, почему ленинградцы допускают, чтобы с публичной трибуны шельмовали Ленинград, как это делает Хазин. Ведь смысл этой так называемой литературной «пародии» заключается не в пустом зу-боскальстве по поводу приключений, случившихся с Онегиным, оказавшемся в современном Ленинграде. Смысл паскалия, сочиненного Хазиным, заключается в том, что он пытается сравнивать наш современный Ленинград с Петербургом пушкинской поры и доказывать, что наш век хуже века Онегина. Приглядитесь хотя бы к некоторым строчкам этой «пародии». Все в нашем современном Ленинграде автору не нравится. Он злоподозревает, вводит клевету на советских людей, на Ленинград... Позвольте процитировать одно только место из этой «пародии»:

В трамвай садится наш Евгений,
О, бедный милый человек!
Не знал таких передвижений
Его непрощенный век.
Судьба Онегина хранила —
Ему лишь ногу отдавило,
И только раз, толкнув в живот,
Ему сказали: «Идиот!»
Он, вспомнив прежние порядки,
Решил дуэлью кончить спор,
Полез в карман..., но кто-то спрятал
Уже давно его перчатки.
За неимением таковых
Смолчал Онегин и притих...

Дурной, порочный, гнилой замысел у этой клеветнической пародии! Как же могла редакция «Ленинграда» проглядеть эту злостную клевету на Ленинград и его прекрасных людей?! Как можно пускать хазиновых на страницы ленинградских журналов?!

Из воспоминаний А. Астахова:

«Саша держался мужественно. На всякого рода проработки он ходил с орденом на пиджаке и гордо поднятой головой, но на душе у него скребли кошки. И дело было не только в том, что за подобными обвинениями нередко следовали «огрывают», хотя, конечно же, он не мог не думать об этом. Пожалуй, больше всего угнетало его обвинение в «клевете». Он ведь был настоящим советским человеком, из славной породы «светловских» комсомольцев, воспитанных на «Гренаде», искренне любил свою страну, свой народ. В той же пародии «Возвращение Онегина» есть и совсем иные строчки, которые Жданов, видимо, намеренно не захотел замечать:

ТЕАТР СОВЕТСКОЙ АРМИИ

ПРОГРАММА КОНЦЕРТА

22 ноября 1948 года

ОДЕССА

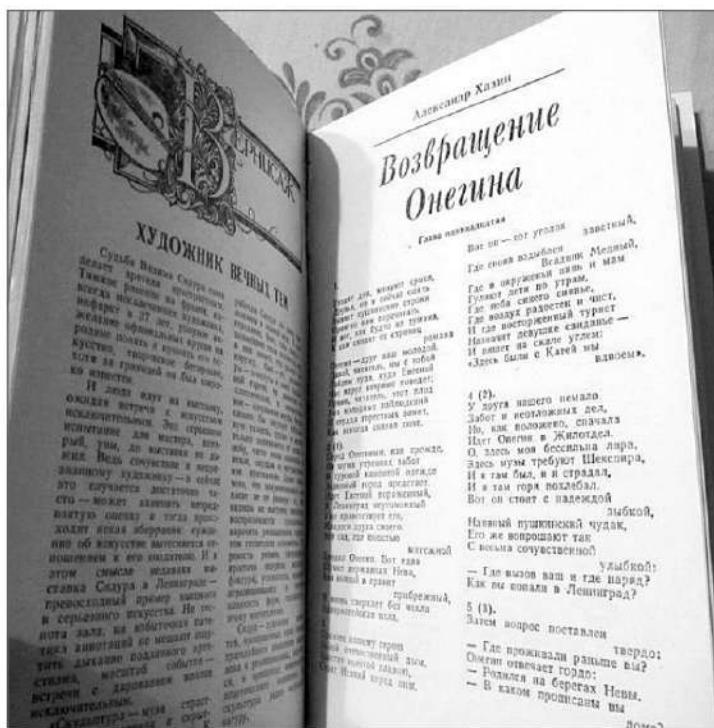
1-е ОТДЕЛЕНИЕ:

1. График Ю. Д. ДЕМЧЕНКО (струнка)
ири. Глик — «Медведь»
Любовь и. «Соловейчик птица»
2. Артисты Русского Театра им. Чайковского
А. И. МАЛЫШЕВА
ири. Марковой Зоя из песни
«Сказки о принце» Ж. Альбер
3. Солист Театра Оперы и Балета
Нар. Акт. УССР И. К. ТОЛСОН
ири. Глик — «Веселые погоды»
4. Солисты Балета Театра Оперы и Балета
Зоя Арут. УССР — Романо А. А.
ири. Балак муз. Лапиной
5. Солисты Одесской Филармонии
Ирина ЧУДОВСКАЯ
ири. Некрасова — «Лодки»
Халифа — «Ласковый путь»
6. Вок. Акт. УССР — Г. В. МАЛЬШЕВСКАЯ
ири. Хоровод — «О нето сердца»
7. Совет Одесской Филармонии —
Ирина БЕЛЫХ (вокалистка)
ири. Халитова «Веселые»
Романова «Помы»
8. Арт. Театра Советской Армии
Б. ДАЛЬСКИЙ
ири. Шахов — «Эни сражались за
Родину» (струнка)

2-е ОТДЕЛЕНИЕ:

9. Артисты Театра Советской Армии
В. К. МАГИРЕВСКАЯ
С. Е. МАЛАКАВСКАЯ
ири. Фроловой — «Вечерние звуки» (струнка)
10. Солист Театра Оперы и Балета
Зоя. Акт. УССР — «Песни об Александре
Македонском» — «Морская волна»
11. Солисты Балета —
Е. А. РУЗИНОВА и В. О. ПАЛОВ
ири. «Аллея» — муз. Зирко
12. Солисты Театра Оперы и Балета
М. Г. ГОРЬКИЙ
ири. Ольшевской — «Россия»
Фомич — «Музыка жизни»
Штраус — «Куплеты Магомета» из
оперетты «Легкая жизнь»
13. Солисты Одесской Филармонии —
Н. ТРАЧЕНОВ и Ю. БАСОВ
ири. Ракиной-Кориной — «Фантазии из русской тоски»
14. Артисты Одесского Трака
Н. КУЛАР и Ф. ФРЕНЧЕСКО
Аркадий Франческо
15. Артисты Одесской Филармонии
Зоя. Акт. УССР Г. Г. АДНАННИ
ири. Ханы — «Музыкальные истории»
Квадратисты: Л. В. Чиркова, Р. Д. Ройзман,
Л. Я. Синевский, Ю. Балашов
Вок. г. артистки
Зоя. Акт. УССР — «Б. И. Адрианов
А. Астахов»

1948, № 43, № 152

Герой Советского Союза
Идет по Невскому, спешит,
И с одобрением Кутузов
На ордена его глядят.
О, слава, слава Ленинграду,
Прошли мы грозную блокаду,
Сражались, веря, для того,
Чтоб быть достойными его...

Я как-то решился спросить у своего друга, как жилось ему в те годы. «Не хуже, чем Зощенко и Ахматовой», — с горькой иронией ответил он. Работы не было: не

только «страницы ленинградских журналов» закрылись для «опального» сатирика, но и произведения его, которые прежде исполняли десятки артистов эстрады, сразу же, как по команде, исчезли из их репертуара. Пришло Саше уехать на родину, в Харьков, где жила его мама. Там мы и встретились. Лидия Атманаки заказала ему фельетон для своей новой программы: по тому времени это был достаточно смелый шаг. Правда, надеясь на то, что произведения Хазина пройдут «лит», было малореаль-

но: вот и пришлось ему подписываться псевдонимом А. Балашов. Но главное мы сделали: у Саши вновь появилась возможность заниматься любимым делом... Наша дружба окрепла и мы с женой всегда с нетерпением ждали писем из Ленинграда, заранее предвкушая удовольствие...»

Из письма А. Хазина:

«Дорогой Аркаша! Прежде всего, еще раз поздравляю тебя с пятидесятилетием и очень сожалею, что не мог принять участие в праздновании и выпить за твои здоровье, подорванное избранной тобой профессией. От души желаю тебе здоровья, чувства юмора и здорового цинизма по отношению ко всевозможным неожиданностям в искусстве. Помни, Аркаша, что нам нужны Салтыковы — Щедрини и Гоголи! У меня дела, в общем, неплохие. Картина моя снимается, но ко времени ее выпуска от меня там останутся только благие намерения, ибо мой режиссер имеет такое же право, по-моему, делать комедию, как я работать в джазе Утесова с одним из братьев Русаковых. Но ничего не поделать!.. [Речь идет о фильме «Повесть о молодоженах», который по сценарию А. Хазина поставил режиссер Сергей Сиделев. В фильме снимались Вера Пашенная, Татьяна Пельтер, Анатолий Кузнецов, Евгений Леонов, Алиса Фрейндлих, Кирилл Лавров, Сергей Юрский. Картина вошла в десятку самых популярных фильмов 1960 года — 28 млн зрителей] — прим. А. Г.]

Напиши, как прошел твой юбилей? Как охарактеризовал твой творческий путь Иззик Гринштун? [Гринштун Иззик Абрамович — главный режиссер Одесского театра музыкальной комедии (1954—1960) — прим. А. Г.] Сказал ли он, что ты создал положительный образ советского больного? Что ты пил на юбилее?.. Кричали ли ты на утро, что больше никогда не будешь праздновать пятидесятилетие и что ну его к черту?.. Словом, опиши подробнейшим образом декаду астаховского искусства, прошедшую в Одессе.

Буду рад, если ты с Галочкиной приедешь летом. На даче у меня есть все, что нужно для твоего отдыха — аптечка, шампань, есть еще всегда «полюстровская», солнечная уборная, спасательный пояс, для спортивных упражнений — лото...

Приезжай, Аркаша, сонином для тебя фельетон, я его потом загоню Муравскому [Муравский (Бартосяк) Петр Лукин — конферансье, музыкальный фельетонист, заслуженный артист РСФСР — прим. А. Г.] и будет полный порядок».

Из монолога «Отклонение от нормы»:

«Почему это, как только дело доходит до недостатков или пороков, как мы начинаем робить? В чем дело? Фельетонист обычно начинает на одну чашу весов грузить наши достижения. А потом на вторую чашу понемногу подбрасывает недостатки. И все время следует — не перебрал ли? Есть ли полное равновесие? Не исказил чего-нибудь? А чего бояться, я не понимаю? И зачем это, критикуя отрицательное явление, сначала воспел

Продолжение на с. 10

Продолжение. Начало на с.9

вать положительное? Мы же не требуем от суды, чтобы он, кроме вынесения приговора, предварительно еще выдавал путевки на курорт. Его дело — судить. А сатира, между прочим, тоже жанр судебный... Кроме того, и время другое. Чего греха таить, было время пострадавших, когда острая сатира была не в почете, когда каждое собрание проходило под девизом: «Не думали, братцы, мы с вами вчера, что нынче умрем под волнами». Но теперь-то — другое дело».

Из воспоминаний А. Астахова:

«Увы, другое время только по видимости было другим. Сатира, смело говорившая правду, по-прежнему была не в почете. Мы это хорошо почувствовали на примере того же фельетона «Отклонение от нормы». То, о чем говорил Хазин в этом фельетоне, трудно было опровергнуть: все-таки прошел XX съезд. Но чиновники нашли к чему придаться... В этом фельетоне в качестве примера бездарного виршеписства Хазин привел такие стихи (реально существовавшие):

*Моя душа — эбоновый гобой.
И пусть я ниц пал пред кумиром,
С тобой дитя, как с медною трубой,
Мы все ж, пойми, разъяты целью миром.
О, будем же скорей одним вами пром,
Ты — мною будь, я — сделаюсь тобой,
Будь ложкой мне, я сделаюсь губой...*

Когда я сдавал фельетон худсовету, в этом месте все дружно засмеялись: зрители правильно поняли смысл приведенных стихов. Но — нашелся не в меру ретивый блеститель общественной нравственности...».

Из отзыва начальника управления музыкальных учреждений Министерства культуры УССР В. Перунова:

«Вряд ли стоит декламировать с эстрады такое, как стихи из фельетона «Отклонение от нормы» — «О, будем же скорей...» Несмотря на то, что это стихотворение подается как отрицательный пример, сам факт его чтения с эстрады уж явлениями является вредным. Вызывает удивление, что руководство и художественный Совет Одесской филармонии, зная о больших задачах, возложенных на советскую эстраду в деле воспитания трудающихся, могли рекомендовать произведение такого низкого идеиного и художественно-го уровня».

Письмо А. Хазина от 24 февраля 1961 г.:
«Получил твое письмо и должен сказать, что оно меня не очень удивило. Если помнишь, я тебя предупреждал — Киев мое сочинение не разрешит, у нас старые счеты (еще со времен распятия Христа). Такая же история была с фельетоном «С любовью не шутят». Соображения, которые тогда были высказаны, стояли на том же высоком уровне кретинизма, что и бумажка, копию которой ты мне прислал. Как тебе известно, фельетон «С любовью не шутят» исполнялся на всех эстрадах, исполнил его и ты.

Не знаю, чем тебе помочь. В Москву я сейчас ехать не могу. Единственное, что я попытаюсь сделать — это утвердить фельетон в Ленинграде. Хотя это и трудно по той причине, что материалы утверждаются для какого-нибудь актера, а я еще пока хочу сохранить твой приоритет в исполнении фельетона, но добрые мои отношения с Гришой Дрейденом [Дрейден Григорий Давидович — историк, директор Дворца культуры промкооперации (Дворец культуры имени Ленсовета), затем заведующий литературной частью Ленинградского театра эстрады — прим. А.Г.] дают некоторые возможности. Он (Григорий Давидович Дрейден) обещал провести фельетон через ленинградский лит. В отличие от бывшего репертуара материала, завизированный здесь, имеет право исполнять артист всюду, так что этого было бы вполне достаточно для того, чтобы ты получил фельетон, а я, соответственно, деньги. Но я ведь знаю ваши республиканские «нормы». Имея формальное право, ты вызовешь

ненависть киевского, а то и одесского начальства за то, что посмел не прислушаться к их мнению. Но тут уж я ничего сделать не могу. Во всяком случае, я утверждаю фельетон здесь, и, если для вашей бухгалтерии этого мало, вынужден буду воспользоваться услугами ленинградской бухгалтерии.

Думаю, Аркаша, что ты не имеешь никаких оснований обвинять меня в невыполнении обещаний. Как видишь, я держусь из последних сил.

У нас все по-прежнему. Тамара [Сезеневская Тамара Вячеславовна — актриса Ленинградского театра комедии, супруга А. Хазина — прим. А.Г.] летом будет на гастролях в Одессе, во всяком случае, сейчас запланирована эта поездка. Все еще вожусь с пьесой, которая должна пойти в работу в конце сезона. Пока мне не хочется связываться с вашим театром (никто из них, между прочим, не звонил), потому что не очень верю в самостоятельность одесских театров.

Жду от тебя письма, чем скорее ты отвечаешь, тем лучше. Привет от нас Галочки. Я вижу, что фрезеровщик у вас пошел в гору. Поздравляю!

Целую тебя».

Из воспоминаний А. Астахова:

«Пик нашего творческого сотрудничества приходится на шестидесятые годы. Я руководил тогда эстрадным коллективом Одесской филармонии, а Хазин писал для нас программы. Признаюсь, ситуация при создании нашего коллектива была непростой: ведь в нем не было ни одной «звезды», само имя которой автоматически обеспечивало бы сбороны. И тогда мы решили: пусть «звездой» представления будет.. наш родной город — Одесса. Название города фигурировало во всех программах, сочиненных для нас Хазиным: «Письма из Одессы», «120 минут с одесситами», «Одесские зонтики», «Вас вызывает Одесса». Расчет оказался точным: зрители других городов охотно посещали наши концерты, привлеченные названием знаменитого и всеми любимого города. Поразительно, но факт: на хазиновские программы

у нас не было ни одной отрицательной рецензии. И это при том, как у нас любят ругать эстраду! Думаю, не в последнюю очередь потому, что звучало с эстрады страстное, острое, искреннее слово сатирика Александра Хазина».

Из монолога «Надо пробовать»:

«Вы, вероятно, заметили, что сейчас ораторы все реже пользуются читателями, шпаргалками, все чаще стараются высказать свои собственные мысли. Трудно, конечно, с непривычки, заедает шаблон, но все же стараются. Некоторые, правда, до сих пор испытывают страх перед трибуной. Главное — пока он не взобрался на нее — человек как человек: и мысли у него есть и решительность. Сидит он на собрании и думает: «Сейчас выйду и скажу все! Всю правду-матку. Так прямо и врежу!..». И вот он выходит и громко произносит: «Товарищи!». А перед ним — микрофон, а на стене лозунг висит, а за столом — президиум собрания. И вот начинает копошиться в нем паршивая мелкая мышишка: «А, может, пока я тут стою, все переменилось. Может, мне потом костей не собрать...». И не успеет он подумать об этом, как уже по привычке говорит: «Товарищи! Как правильно подчеркнул в своем интересном докладе». И пошло, и пошло. А потом этот оратор ловит тебя в кулаурах, держит за фалды и объясняет, что он, дескать, не хотел сказать, что его не так поняли. Вообще, вся жизнь подобных ораторов и состоит из выступлений и угрызений совести, из громовых речей на трибуне и задушевных разговоров в кулаурах. Недаром кто-то сказал: «Доведем уровень наших выступлений до уровня кулачных разговоров».

Александр Галяс.

Автор благодарит Юлию Таран за помощь в подготовке этой статьи.

Окончание в следующем номере.